

Н. В. Константинова

Новосибирский государственный педагогический университет

**К вопросу о пародийном фоне повести Ф. М. Достоевского
«Село Степанчиково и его обитатели»**

Аннотация: Рассматривается пародийный фон повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», выделяются основные подходы исследователей к данному вопросу, обозначается связь с «гоголевским миром» в рамках анализа образа героя-скриптора.

The paper considers the parody background of F. M. Dostoyevsky's story «The village Stepanchikovo and its inhabitants», the main approaches of researches to the present problem are differentiated and the connection with the «Gogol world» is denominated in the framework of the analysis of the image of the character-scriptor.

Ключевые слова: пародия, герой-скриптор, сочинительство, переписывание.

Parody, character-scriptor, composing, rewriting.

УДК 821.161.1

Контактная информация: Новосибирск, ул. Вилюйская, 28. НГПУ, ИФМИП.
Тел. (383) 2440126. E-mail: scribe2@yandex.ru

Как отмечают многие исследователи, повесть «Село Степанчиково и его обитатели» принадлежит к числу произведений Ф. М. Достоевского, наиболее богатых литературными реминисценциями, намеками и пародийными эпизодами. Наиболее известным является мнение Ю. Н. Тынянова о том, что в повести пародируются не только отдельные формулировки и идеи «Выбранных мест из переписки с друзьями», не только стиль этой книги, но и литературная позиция, и манера поведения Н. В. Гоголя. Так, в статье «К теории пародии» [Тынянов, 1977] ученый вводит в литературное сознание пародийность «Села Степанчикова». Л. М. Лотман в работе ««Село Степанчиково» Достоевского в контексте литературы второй половины XIX века» указывает на следующий факт: «Многие черты Опискина воспроизводят в сниженном, шаржированном виде образ идейного искателя, «скитальца» и дают основание заподозрить, что автор в своей повести пародировал поведение «лишнего человека» рудинского типа» [Лотман, 1987, с. 153].

В рамках анализа поэтики чина в произведениях Достоевского В. В. Иванов выделяет и характеризует своеобразный смеховой мир «Села Степанчикова», «в котором происходит созидание своей собственной иерархической системы, возглавляемой шутовским королем Фомой Фомичом Опискиным. Символична его фамилия (Опискин – ошибочный, обратный правильному – инишний, из перевертышного мира фольклора и мифологии). «Королю» соответствует «двор»: лакей Видоплясов на роли придворного поэта, Обноскин – статист при дворе короля, «исключенный» чиновник Ежевикин – придворный шут, которому многое в силу его роли позволено, Фалалей – плясун, скоморох» [Иванов, 1994, с. 81]. При этом В. В. Иванов определяет двор Фомы Опискина как пародию на табельную иерархию.

Следует отметить, что при характеристике пародийного фона повести исследователи чаще всего акцентируют внимание на особой природе образа главного героя. Так, при сопоставлении повести Ф. М. Достоевского с произведением Я. П. Полонского «Дом в деревне» Л. М. Лотман выделяет очевидные параллели: место действия – деревенская глушь помещичьего дома, герой-повествователь делится воспоминаниями о своей молодости, племянник помещика, свидетель семейной драмы, сюжетная ситуация – тирания со стороны приживалки, жертва – молодая девушка (бедная гувернантка), мотив похищения и т. д. Однако образ главного героя-тирана в повести Достоевского существенно отличается: «Сферой, придающей Фоме мифическую значительность, является литература. В Степанчикове все думают, что Фома писатель, что в своем кабинете он занят таинственным литературным трудом. Камердинер Гаврила говорит Опискину: “Книжку сочинять сядешь, я докучного обязан к тебе не допускать, для того – это настоящая должность моя выходит”. Самого владельца Степанчикова Фома презрительно третирует за то, что он “не сочинитель, если выражаться поучтивее”» [Лотман, 1987, с. 157]. Авторитетно рассуждая о литературе, он пресекает все попытки Ростанева вмешаться в беседу. Кроме того, в отличие от повести Я. П. Полонского герой-повествователь Ф. М. Достоевского занимается литературой, и более того, повесть имеет форму «записок неизвестного», свои воспоминания герой-нарратор представляет в форме романа: племянник Ростанева также претендует на роль сочинителя, как и Фома Опискин.

На эту особенность Опискина указывает В. В. Иванов: «Образ самого Фомы исключительно сложен в силу широты его притязаний в области иерархической топографии (он одновременно претендует на высшие чины в противоположных иерархических потоках). Фома старается быть или казаться светским иерархом (требование к полковнику Ростаневу о величании его, Фомы, “превосходительством”), святым пророком, ученым мужем, писателем, наконец – благодетелем “всего человечества”. Попытка одновременного нахождения на высших точках различных иерархий оказывается губительной для владычества Фомы. Та смеховая атмосфера, что порождает его “двор”, и губит его... образ самого Фомы – пародия на генерала вообще, литературного генерала, в частности» [Иванов, 1994, с. 82].

Таким образом, в исследовательских работах постепенно происходит расширение семантики пародийности повести: от выявления пародии на конкретные образы (личность Гоголя, Рудин Тургенева) до определения главного героя как пародии на литератора, сочинителя в широком смысле («литературного генерала»).

В письме к брату от 9 мая 1859 г. Ф. М. Достоевский сообщает о том, что в романе «есть два огромных типических характера, создаваемых и записываемых пять лет, обделанных безукоризненно (по моему мнению), – характеров вполне русских и плохо до сих пор указанных литературой» [1972, с. 500]. Речь идет о противопоставлении Фомы Опискина и полковника Ростанева. Одним из главных оснований для подобного сопоставления является оппозиция сочинитель / не сочинитель, имеет герой отношение к литературе или нет. Так, на первый план в повести выходит семантика скрипторства. В латинско-русском словаре отмечаются следующие значения слова «скриптор»: «писец, секретарь, переписчик, писатель, автор, повествователь: автор рассказа (сочинения) о чем-либо, составитель-законодатель, летописец, историк, поэт» [Дворецкий, 2003, с. 692]. Все эти значения актуализируются при характеристике героев повести, в частности при описании символического двора короля-сочинителя Фомы Опискина.

Выявление в повести Ф. М. Достоевского данного аспекта позволяет обратиться вновь к гоголевскому миру, но уже в рамках анализа образа героя-скриптора. Подобного рода воцарение пишущего героя мы наблюдаем в произведении Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Поприщин очевидно претендует

на высшее положение в различных иерархических системах (сочинитель, король, портной, законодатель): являясь в реальности чиновником-переписчиком, он отказывается от переписывания «гадких бумаг», создает собственное сочинение; оценивает и критикует произведения других авторов («Очень забавные пьесы пишут нынче сочинители» [Гоголь, 1999, с. 197]); выбрав на социальной лестнице место короля Испании, самостоятельно перешивает вицмундир в мантию, не доверяя портным. Самозванство Поприщина начинается с того, что он ставит под сомнение свое истинное положение в обществе: «отчего я титулярный советник и с какой стати я титулярный советник? Может быть, я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником?» [Там же, с. 205]. С этих вопросов и начинается вымышленное, но желаемое движение героя по социальной лестнице, до самой высокой ступени – королевского титула.

При этом в своем мире Поприщин одинок, у короля нет двора: «Мантия совсем готова и сшита. <...> Однако же я еще не решаюсь представляться ко двору. До сих пор нет депутации из Испании. Без депутатов неприлично. Никакого не будет веса моему достоинству» [Там же, с. 209–210]. В одиночестве герой занимается и законодательством: «Оставшись один, я решил заняться делами государства своими. Я открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за разные государства. Я советую вам нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет Китай. ...Земля сядет на луну. Об этом и знаменитый английский химик Веллингтон пишет» [Там же, с. 211].

В финале повести народные обычаи свергают короля, превращая его в шута. В этой позиции герой отказывается от всех ролей и имен. При этом обозначается явная оппозиция письменное, литературное слово // устное, фольклорное слово: финальные фольклорные причитания Поприщина прерывают его записки.

Подобного рода воплощение семантики скрипторства наблюдается и в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» на примере образа Хлестакова. В центральной сцене также описывается последовательное повышение статуса героя в разных иерархических системах. При этом обозначается явная параллель социальный мир // литературный мир: стремительный подъем по служебной лестнице одновременно ввергает героя в соблазн сочинительства. В тексте Гоголя вновь соединяются разные функции скриптора. Как и Поприщин, Хлестаков от номинации «переписчик» переходит к самоидентификации – «сочинитель»:

«Хлестаков. Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге... <...> Хотели было даже меня коллежским ассессором сделать... <...> А один раз меня приняли за главнокомандующего... <...> Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге... <...>

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю. Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений <...> Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге» [Там же, с. 309–310].

Следует отметить, что превращение Хлестакова в сочинителя соотносится с самозванством другого масштаба – политического, государственного:

«Хлестаков. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я... <...> Мне даже на пакетах пишут: “ваше превосходительство”. Один раз я даже управлял департаментом... <...> Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш...» [Там же, с. 311–312]. Стремительное восхождение по служебной лестнице приводит к разрушению всех канонов и норм. Так, в письменной просьбе купца формулировка чина Хлестакова доведена до полного абсурда: «Его высокоблагородному светлости господину финансову от купца Абдулина...» [Там же, с. 332]. Характерна и реакция на эту

формулировку: «Черт знает что: и чина такого нет!» [Гоголь, 1999, с. 332]. Подобное искажение реального положения дел имеет ту же природу, что и сумасшествие Поприщина. В финале комедии Хлестаков окончательно самоопределяется в будущем поприще в письме к другу-литератору Тряпичкину: «Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить, хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно, нужно чем-нибудь высоким заняться» [Там же, с. 358].

Таким образом, данные герои Гоголя представляют процесс перехода от переписывания (смирения) к сочинительству (росту амбиций, бунту, духовному падению), воцарение – король письма, повышение по карьерной лестнице неизбежно связано с претензиями героя-сочинителя (король Испании – король Писания). И Поприщин, и Хлестаков, как пишущие герои, явно пародийны.

Следует отметить, что уже в первом произведении Достоевского был использован тип героя-скриптора. Макар Деушкин продолжает галерею гоголевских пишущих героев. Как было нами выявлено: «Поиски “человека в человеке” – одна из основных задач Достоевского. Первый герой автора дан как Слово, наделен статусом “пишущего”. Деушкин искушается литературностью и собственным Словом, борется с собственными амбициями (авторством), постигая законы существования человека в мире. Писание становится аналогом жизни. Разрушение сознания героя, в первую очередь, связано с отказом от себя – раздвоением» [Константинова, 2008, с. 35]. В последующих произведениях Достоевского характеристика «пишущего героя» явно дополняется новыми коннотациями.

Так, установка на пародийность, комичность образа главного героя Фомы Опискина была отмечена в черновиках Ф. М. Достоевского. Две первые повести, написанные им после каторги: «Село Степанчиково» и «Дядюшкин сон» – восходят к первоначальному единому замыслу «комического романа», который занимал Достоевского в 1855–1856 годах. Следует отметить, что семантика скрипторства имеет несколько проекций в тексте «Села Степанчикова». В первую очередь, показательна позиция повествователя – он сочинитель романа, повесть имеет подзаголовок «Из записок неизвестного», он постоянно комментирует процесс создания текста, проявляет самолюбие литератора (как будто погубил свою карьеру, честь, доброе имя). В финале рассуждения Сергея свидетельствуют о стремлении учительствовать с помощью литературы и письменного слова: «И я с жаром начал говорить о том, что в самом падшем создании могут еще сохраниться высочайшие человеческие чувства; что неисследима глубина души человеческой; что нельзя презирать падших, а, напротив, должно отыскивать и восстанавливать; что неверна общепринятая мерка добра и нравственности ... словом, я воспламенился и рассказал даже о натуральной школе... прочел стихи» [Достоевский, 1972, с. 160–161]. Как настоящий сочинитель он старается соответствовать общепринятым нормам: «Роман кончен... <...> Взамен всех объяснений скажу лишь несколько слов о дальнейшей судьбе всех героев моего рассказа: без этого, как известно, не кончается ни один роман, и это даже предписано правилами» [Там же, с. 163]. Все герои этой истории для него – литературный материал, в финале произведения он дает понять читателю, что не собирается заканчивать свой литературный труд, напротив, повествование намеренно обрывается: «Впрочем, о господине Бахчевеемы надеемся поговорить в другой раз, в другом рассказе, подробнее. Вот, кажется и все лица... Да! Забыл: Гаврила очень постарел и совершенно разучился говорить по-французски. Из Фалалея вышел очень порядочный кучер, а бедный Видоплясов давным-давно в желтом доме и, кажется, там и умер... На днях поеду в Степанчиково и непременно справлюсь о нем у дяди» [Там же, с. 168].

Безусловно, установка на литературность наблюдается в характеристике Фомы Опискина. Фамилия героя уже указывает на соотношение этого типа героя с героем-скриптором. Напомним, что упоминание об опiske – ошибке в письме встречается в «Шинели» Гоголя. Смиранный в начале повести герой-переписчик

очень боится допустить описку, так как для него это соответствует греховному поступку. Поприщин же намеренно в процессе своего экзистенциального бунта нарушает важный канцелярский документ: вместо собственной фамилии под документом пишет королевский титул. Так, в гоголевских произведениях описка становится знаком бунта героя против существующих законов жизни, своеобразным богоборчеством. Следует отметить, что Достоевский, конечно, в данном произведении ориентируется на гоголевскую традицию. Фома Опискин также пытается с помощью сочинительства, занятия литературой изменить свое положение в мире: «Он был когда-то литератором и был огорчен и не признан; а литература способна загубить и не одного Фому Фомича – разумеется, непризнанная. Не знаю, но надо полагать, что Фоме Фомичу не удалось еще и прежде литературы; может быть, и на других карьерах он получал одни только щелчки вместо жалованья... Фома действительно сотворил когда-то в Москве романчик... Но змея литературного самолюбия жалит иногда глубоко и неизлечимо, особенно людей ничтожных и глуповатых. Фома Фомич был огорчен с первого литературного шага и тогда же окончательно примкнул к той огромной фаланге огорченных, из которых выходят все юродивые, все скитальцы и странники» [Там же, с. 12]. Однако, неудачи на литературном поприще не останавливают рост амбиций героя, скорее наоборот, чем больше он допускает «описок», тем больше в его сознании возникает претензий на роль сочинителя. Подобное символическое богоборчество доводит героя до провозглашения себя самым лучшим сочинителем: «...В Москву, издавать журнал! Тридцать тысяч человек будут собираться на мои лекции ежемесячно. Грянет наконец имя мое...» [Там же, с. 13]. Более того, занятия литературой становятся для него поприщем, которое приведет его на путь святости, даст возможность стать героем в масштабах всего человечества: «...Ему, Фоме, предстоит величайший подвиг, подвиг, для которого он и на свет призван и к свершению которого понуждает его какой-то человек с крыльями, являющийся ему по ночам ... написать одно глубокомысленнейшее сочинение в душеспасительном роде, от которого произойдет всеобщее землетрясение и затрещит вся Россия. И когда уже затрещит вся Россия, то он, Фома, пренебрегая славой, пойдет в монастырь и будет молиться день и ночь в киевских пещерах о счастье отечества» [Достоевский, 1972, с. 13]. Такая жизненная установка приводит Фому к полному воцарению в чужом доме, осуществляется метаморфоза из шута в великого человека. Подобно гоголевскому Поприщину, Фома-король совершает сумасбродные деяния: повелел раз быть вместо четверга среде, Ильин день решил переименовать в Фомин день, учит холопов французскому языку. Подобно Хлестакову, Фома грозит написать своего обидчика Бахчеева да в печать послать. В разговоре с мужиками выясняется истинный социальный статус Фомы: «как величать-то тебя не ведаем, майор, аль половник, аль само сиятельство» [Там же, с. 16].

Позиционируя себя как самого лучшего литератора, Опискин подвергает беспощадной критике произведения современных авторов: «Народ пляшет комаринского, эту апофеозу пьянству, а они воспевают какие-то незабудочки! <...> Пусть изобразят они мне мужика, но мужика облагоустроенного, так сказать, селянина, а не мужика» [Там же, с. 68–70]. Претензии Фомы на «сочинительство» собственного мироустройства изображены в контексте экзистенциальных размышлений. Так, Опискин буквально повторяет слова Поприщина:

Поприщин: «Мне подавайте человека! Я хочу видеть человека; я требую пицци, той, которая бы питала и услаждала мою душу; а вместо того эдакие пустяки...»;

Опискин: «Дайте, дайте мне человека, чтоб я мог любить его! Где этот человек? Куда спрятался этот человек? Как Диоген с фонарем, ищу я его всю жизнь и не могу найти, и не могу никого любить, доколе не найду этого человека.

Я кричу: дайте мне человека, чтоб я мог любить его, а мне суют Фалалея! Я не хочу Фалалея, я ненавижу Фалалея...» [Достоевский, 1972, с. 154].

Герой-сочинитель мыслит себя еще и философом, который пытается открыть истину, познать тайну бытия и человека. Безусловно, и эти претензии носят пародийный характер. Все попытки Фомы возвеличить себя с помощью установки на сочинительство развенчиваются повествователем. В своем романе о литературной деятельности этого героя он подчеркивает его ничтожность и неспособность создать что-либо ценное для литературы и читателя. Повествователь демонстрирует своему читателю истинный результат деятельности Фомы: описывает стол, заложженный книгами и рукописями, кучу перьев, которыми заведовал Видоплясов, отмечает, что «Фома, просидев здесь почти восемь лет, ровно ничего не сочинил путного» [Там же, с. 130], рукописи оказались «необыкновенной дрянью»; обнаружено лишь начало исторического романа, поэма, писанная белыми стихами, бессмысленное рассуждение о значении и свойстве русского мужика, повесть из великосветской жизни, неразрезанные книги и журналы.

М. Виролайнен отмечает, что Достоевский при создании повести «Село Степанчиково» в качестве прототипического основания образа Фомы Опискина использует фигуру Ивана Грозного: «При создании «Села Степанчиково» Достоевского, по-видимому, чрезвычайно интересовала природа духовной власти подлого над благородным, который сам же своему тирану эту власть и вручает. И, исследуя механизм власти, Достоевский спроецировал на домашнего деспота ситуацию, связанную с величайшим тираном русской истории» [Виролайнен, 2003, с. 397]. При этом одним из доказательств подобного сходства выделяется эпизод ухода Фомы из дома полковника Ростанева. Однако, поступок Фомы вновь характеризуется как «описка», пародия на поведение Ивана Грозного: «Уход Фомы, сходствуя с уходом Иоанна по целям, не имеет этой меры серьезности. Фома не столько воплощает архетип, сколько искажает его. Прежде всего потому, что актерствует. Намереваясь совершить торжественно обставленный уход, он умудряется так схватить через край в своем наигранном пафосе, что оказывается позорно изгнанным...» [Виролайнен, 2003, с. 395]. Следует отметить, что подобного рода сближение Фомы с фигурой Ивана Грозного, безусловно, восстанавливает и контекст гоголевской повести «Записки сумасшедшего». Амбиции Поприщина доводят его до присвоения титула короля Испании. Фома Опискин воспроизводит поведение русского царя Ивана Грозного. Но если для Поприщина – это крайняя степень безумия, последняя ступень на социальной лестнице, то для Фомы – это одна из попыток отождествить себя с сильными мира сего, может быть, даже неосознанно. Как резюмирует М. Виролайнен, образ Фомы Опискина не ограничивается рамками пародии: «Фома настолько несомасштабен ни Гоголю, ни Грозному, что перенесение на него их черт как дифференцирующих признаков создает только пародийный эффект, замечательно описанный Тыняновым. Но представим себе, что черты Гоголя и Ивана Грозного присваиваются Фоме как части, тождественные, по законам мифологического сознания, некоему целому... <...> Механизм отождествления частей целого, действующий в мифологическом мире, связывает Фому и Гоголя, Фому и Ивана Грозного уже не пародийной, а серьезной сущностной связью» [Виролайнен, 2003, с. 399]. Такой подход исследователя позволяет актуализировать в повести Достоевского не только дополнительные возможности определения пародийного эффекта, но и другой контекст – мифологический.

Пародийный контекст повести, безусловно, определяется не только образом Фомы Опискина. Свиту шутовского короля составляют подобные ему двойники, из которых особенно выделяется Видоплясов. Скорее данный персонаж повести сам по себе является пародией на Фому Опискина. Все элементы, составляющие образ Видоплясова, выполняют эту функцию: странная фамилия, по его мнению, не облагороженная, необыкновенное чувство собственного достоинства, стремле-

ние к сочинительству, не оправданные талантом амбиции, желание прославиться, благодаря сочинительству и т.д. История жизни Видоплясова очень показательна для подобного типа персонажей: «Жил он сначала в Москве, с самых почти детских лет, у одного учителя чистописания в услужении. Посмотрел бы ты, как он у него научился писать: и красками, и золотом, и кругом, знаешь, купидонов наставляет, – словом, артист! <...> К тому же пишет стихи. <...> Проведал об этом Фома, просмотрел стихи, поощрил и определил к себе чтецом и переписчиком, – словом, образовал. <...> ...Он до того перед всей дворней после стихов нос задрал, что и говорить с ними не хочет... <...> Возмечтал ли он о себе, или рассудил сначала прославиться...» [Достоевский, 1972, с. 103–104]. Описание жизненного пути Видоплясова буквально повторяет, дублирует не только историю возвышения в доме Ростанева Фомы Опискина, но и в пародийной виде отсылает к желаниям Макара Деушкина стать автором сочинений. Кроме того, подобное поведение воспроизводит историю гоголевского Поприщина – автора записок. Рост амбиций Видоплясова в процессе сочинительства, желание поменять фамилию на более облагороженную, сообразно таланту, бунт против своего места в этом мире, а главное финальное сумасшествие, помещение в желтый дом – все необходимые составляющие гоголевского скриптора. Но в данном персонаже Достоевского обозначенные элементы максимально гиперболизируются, доводятся до абсурда: стихотворения превращаются в вопли, придуманная облагороженная фамилия намеренно каламбурно рифмуется «Уланов» // «Болванов».

Пародия на сочинительство представлена в повести и в других вариантах: бессмысленное стремление Фомы обучить дворовых мужиков французскому языку, абсурдные переводы русских пословиц на французский язык, стихотворение Илюши как пародия на Фому Опискина, памятник из белого мрамора для Фомы, «испещренный плачевными цитатами и хвалебными надписями». На протяжении всей повести образ Фомы удваивается (Видоплясов), утраивается (Обноскин), что способствует усилению пародийного эффекта.

Таким образом, изучение гоголевского контекста в повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» на примере фигуры героя-скриптора позволяет предельно расширить пародийный фон произведения, охарактеризовать образ Фомы Опискина как пародию на сочинителя, претендующего на роль творца собственного мира, проявляющего необоснованные амбиции, желание занять иное место в мире. С помощью соотношения образов Опискина и Ростанева Достоевский воплощает такие нравственные оппозиции, как: гордыня // кротость, смирение // богоборчество. Претензии на сочинительство демонстрируют процесс грехопадения человека.

Литература

- Виротайнен М. Речь и молчание. Сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003.
- Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1999. Т. 2.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 2003.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 3.
- Иванов В. В. Достоевский: поэтика чина // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск, 1994. С. 67–101.
- Константинова Н. В. «Поприщинское письмо» в нарративных стратегиях Ф. М. Достоевского // Вестн. Удмурт. ун-та. Ижевск, 2008. Вып. 1. С. 27–38.
- Лотман Л. М. «Село Степанчиково» Достоевского в контексте литературы второй половины XIX в. // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1987. Т. 7. С. 152–165.
- Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.